

Никитенко Т. В. (Витебск)
О моделях регулярной многозначности в разных языках
(на примере оценочных слов)

Существует ли регулярность в процессах семантических изменений? Мнения на этот счет выдвигались разные. Достаточно вспомнить тезис об отсутствии системности в языковой диахронии, который выдвигал Ф. де Соссюр [4]. Также высказывались сомнения в наличии закономерностей в лексико-семантических изменениях по

причине того, что значение тесно связано с культурой. Необходимо знать социокультурную ситуацию общества в тот период, когда изучался язык. В то же время высказываются и другие предположения. М.М. Покровский говорил, что «вариации значений слов, с виду капризные, в действительности подчинены определенным законам» [3, с. 36]. Согласно Е.В. Падучевой, слову свойственна многозначность, и прежде всего регулярная многозначность, которая является следствием семантической деривации. Таким образом, основная масса производных значений слова формируется за счет определенного множества семантических переходов, или моделей семантической деривации [2, с. 148–149]. Известно, что в основных значениях многозначных слов доля семантической информации больше, нежели в производных, которые характеризуются бóльшим преобладанием информации прагматического характера [1, с. 141]. Следовательно, оценка, будучи категорией прагматики, чаще находит выражение в производных значениях многозначных слов.

Таким образом, цель данной работы – выяснить, могут ли деривационные модели, по которым развиваются производные оценочные значения слов, быть аналогичными в разных языках. Анализируемыми языками явились русский и английский языки.

Как показывает языковой материал, лексемы, указывающие на социальное происхождение человека, а особенно низкое, с особой легкостью подвергаются процессам пейорации и начинают функционировать в неодобрительном или уничижительном значениях. Примеры подобных слов в достаточном количестве обнаруживаем в обоих исследуемых языках, что дает основание говорить о существовании такой модели изменения слов, как ‘человек низкого социального происхождения’ → ‘грубый, вульгарный человек’.

В русском языке такие единицы как *лакей*, *плебей*, *холоп*, *челядь* и т. д. в XIX в. подверглись процессу ухудшения значений. Ср.: *Ну, будь мы какие-нибудь плебеи, необразованные, тогда бы помирилась я с этим житьем*, <...> (А.П. Чехов. *Конь и трепетная лань*, 1885-1886). В словаре под ред. С.А. Кузнецова в семантической структуре лексемы *плебей* фиксируется значение ‘о человеке невежественном, грубом, с вульгарными манерами’ (БТС, 840).

В английском языке также выделяется группа оценочных номинаций человека, связанных с его положением в обществе. Так, в ранний новоанглийский период объектом оценки становится человек незнатного происхождения, младший по званию, рангу и т. д. Например, прилагательное и существительное *plebeian* (< лат. *plēbēi-us* ‘относящийся к плебейам’ + *-an*) в английском языке впервые отмечены в

1566 г. и 1533 г. соответственно. У существительного исходное значение определялось как ‘плебей, римский гражданин незнатного происхождения’. В 1586 г. указанная лексема зафиксирована в расширительном значении ‘человек низкого происхождения, простолюдин’, а со второй половины XVII в. она начала употребляться в образном негативно-оценочном значении ‘плебей, низкий, некультурный человек’, ср.: *If the Philosophers themselves be such fools, what are the Plebeians?* ‘Если сами философы такие глупцы, то что говорить о невеждах?’ (1668) (OED, XI, 1034). У прилагательного современное негативно-оценочное значение ‘низкий, некультурный, вульгарный’ отмечено еще раньше – в 1615 г. (OED, XI, 1034).

Вышеописанный случай, согласно которому лексемы в исходном значении, обозначающие низкое социальное положение человека в обществе, легко приобретают негативно-оценочные смыслы, можно назвать тривиальным. В данном случае на расширение семантической структуры слова оказывает влияние внеязыковой фактор. Очевидно, помимо определенного пренебрежения к людям низшего сословия со стороны правящих кругов, можно констатировать отсутствие у первых доступа к элитному образованию, благородному воспитанию, а также безграмотность. Все это привело к появлению стереотипа: человек низкого социального происхождения – некультурный и грубый человек. Любопытно, что в английском и русском языках впервые негативно-оценочные значения в рассмотренных примерах фиксируются, по крайней мере по письменным источникам, в период становления нормы и развития литературных языков на национальной основе. В английском языке – XVI–XVII вв., в русском – XIX в.

Еще пример аналогичной модели семантической деривации: ‘осадки → деклассированные элементы общества’.

В русском языке лексема *подонки* впервые фиксируется в письменных источниках XVIII в. в значении ‘всякие частицы из жидкого тела на дно осевшие; грубое сгустившиеся в каком-л. жидком теле вещество, на дно осевшее’ (САР¹, II, стлб.689). А в 60-х гг. XIX в. встречается презрительное переносное значение данного слова ‘разложившиеся, преступные элементы общества’. Ср.: <...> *Почти все описанное здесь изменилось, исчезло; политические подонки пятидесятих годов занесло новыми песками и новыми грязями* (А. И. Герцен. Былое и думы. Ч. 6: Англия, 1864).

В английском языке наблюдается схожий семантический переход. Известно, что среднеанглийская лексема *dreg* первоначально функционировала преимущественно во множественном числе в значении ‘the sediment of a liquor’ (‘осадок какой-л. жидкости’) (SOED,

760–761). В ранний новоанглийский период (сер. XVI в.) указанное слово метафорически стало употребляться в неодобрительном значении ‘the most worthless part or parts; the refuse’ (‘самая недостойная часть; отбросы’) с соответствующим примером: *You must be part of the bottomless dregs of this loathsome city* ‘Должно быть, Вы относитесь к низшим отбросам этого омерзительного города’ (W. Styron).

Менее тривиальной, но все-таки предсказуемой, выглядит следующая модель – ‘гладкий’ → ‘лишенный выразительности; пустой’. И в русском, и в английском языке характеристики, применимые в описании ровной, гладкой, без шероховатостей поверхности, могут ассоциироваться с чем-л., лишенным яркости, выразительности (о стиле, произведении и т. д.). Пр.: *Обворожительное обхождение привлекало ему с первого разу все сердца; но когда постепенно открывалось, что оно было «всем общее, как чаша круговая», что под оболочкой этих гладких слов не заключалось ничего существенного, что это был один обман <...>, – то естественно, что следовало охлаждение* (М. А. Корф. Из дневника, 1838–1839); *Еще это вопрос, точно ли всякая прилизанная драма, даже хоть бы в ней все три единства соблюдены были, лучшие всякого балаганного представления* (Н. А. Добролюбов. Луч света в темном царстве, 1860). У прилагательного *гладкий* в словаре под ред. С. А. Кузнецова рассматриваемое значение определяется так: ‘правильный, но лишенный обычной самобытности, выразительности; плавный, складный’ (БТС, 206). В семантической структуре лексемы *прилизанный* второе значение – ‘(неодобр.) приглаженный, лишенный яркости, выразительности’ (БТС, 981). Подобные примеры находим в английском языке. Ср.: *James Saunders’s drama is itself glassy smooth and tightly controlled* ‘Драма Джеймса Саундерса сама по себе прилизанная, где все держится под жестким контролем’ (Punch, 1992).

Очевидно, можно говорить еще об одной модели регулярной многозначности с основой *гладкий* – ‘гладкий’ → ‘льстивый’. У прилагательного *smooth* ‘гладкий’ в поздний среднеанглийский период отмечено значение ‘using specious or attractive language; plausible, bland, insinuation, flattering’ (‘неискренний или складный (о языке); внешне честный, вкрадчивый’) (SOED, 2887–2888). Современные примеры полностью подтверждают актуальность данного значения. Ср.: *<...> he reminded me of a smooth politician visiting a shabby constituency, smiling, kissing babies, shaking hands with relish* ‘он напомнил мне заискивающего политика, посещающего захудалый избирательный округ, улыбающегося, целующего детей, пожимающего с удовольствием руку’ (Н. Kureishi. The Buddha of suburbia, 1990). Русские контексты также подтверждают наличие данной модели, пр.: *Но о чем думают и*

размышляют эти выхоленные и гладкие господа, сидящие в кондиционированных салонах <...>? (С. Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году, 2008).

Большинство моделей, которые нами зафиксированы, оформились в результате метафорических переносов. Вышерассмотренные примеры позволяют говорить о том, что в разных языках производные оценочные значения многозначных слов могут оформляться по аналогичным моделям, продуктивность которых, очевидно, различается по разным языкам.

БТС – Новейший большой толковый словарь русского языка / [авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.

OED – The Oxford English dictionary: in 20 vol. / prepared by J. A. Simpson, E. S. C. Weiner. – 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 20 vol.

SOED – Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles: 2 vol. / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – 6th ed. – New York: Oxford University Press, 2007. – Vol. 1: A–M; Vol. 2: N–Z. – 3742 p.

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры». Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.

2. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

3. Покровский, М. М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.

4. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; пер. с фр. А.М. Сухотина, перераб. по 3-му изд. А. А. Холодовичем, вст. ст. А. А. Холодовича // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр; пер. и под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–285.

5. McMahon, April M.S. Understanding language change / April M. S. McMahon. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 361 p.